

Евразийское притяжение

Летом 2009 года в рамках реализации совместного российско-монгольского проекта (РГНФ — МинОКН Монголии, инициатор и главный организатор — Институт философии и права СО РАН) по исследованию цивилизационных констант внутренней Евразии мне вместе с профессорами Ю.В. Попковым (руководитель проекта с российской стороны) и М.Ю.Шишиным, а также с группой монгольских коллег под руководством профессора Х. Цоохуу довелось проехать на машине от Улан-Батора через центральные районы Монголии до крайних западных ее пределов.

В дороге было много запоминающихся встреч с представителями самых разных возрастов и социальных слоев современного монгольского общества: скотоводами и учеными, работниками органов государственной власти и учителями, студентами и пенсионерами. Везде мы встречали самый доброжелательный и теплый прием, и везде люди старались как можно более обстоятельно и честно ответить на вопросы социологической анкеты, посредством которой мы пытались выявить базовые идеалы и ценности, мировоззренческие установки и культурные доминанты, на которые ориентируются сегодня жители этой страны. Обобщение и детальный теоретический анализ полученных эмпирических результатов — тема отдельного разговора, но есть потребность поделиться и личными воспоминаниями.

Первое впечатление от Монголии, о котором хочется рассказать, — это ощущение предельно родственного и близкого тебе культурного пространства. На уровне первичной человеческой интуиции, которая впоследствии только подтверждалась, можно вполне уверенно заявить: российская и монгольская культурные традиции безусловно спаяны общими евразийскими цивилизационными константами, а их простейшее эмпирическое проявление — чувство психологической комфортности в Монголии, экзистенциальной комплементарности с ее народом, если использовать терминологию Л.Н. Гумилева. В европейской славянской землях, в той же Чехии и Словакии, это чувство не возникает. Там явственно ощущаешь себя инородцем в чужой культурной среде. Когда же сходишь с поезда на вокзале в Улан-Баторе, то ловишь себя на мысли, что это один из городов России, где разве что вневидимый антропологический тип жителей отличается от славянского. А в манере общаться, шутить, жестиковать — потрясающая, на мой взгляд, близость между русскими и монголами, разве что монгол более нетороплив и дольше раскачивается на какое-нибудь дело.

Временной фон его существования отличается отчетливо выраженной цикличностью и большими амплитудами, соответствующими естественным временным циклам хозяйственной деятельности: рождению и забойку скота, появлению первой весенней травы или молока у кобылиц и т.д. Возможно, что разная ритмика жизни монголов и русских просто отражает различие городской культуры с его доминантой линейного социального времени и культуры сельского типа, встроеной в естественные циклы природного времени. Но и эти различия в темпоральных константах не видятся мне кардинальными. Если сравнить нашего российского сельского жителя, особенно пастуха, то, думаю, отличия в переживании времени между ним и монголом не будут существенными.

На самом деле, лишь две вещи посто-

янно напоминали нам о том, что мы всё-таки гостим в стране с другой культурой и обычаями: это язык и кухня. Кухня Монголии — исключительно кочевая, а, значит, мясная и предельно тяжелая для желудков представителей земледельческой русской культуры, выросших на овощных супах и кашах. Даже рыба — редкий гость на монгольском столе. До последнего времени они её не ловили, поскольку по традиционным монгольским представлениям есть следующие только то, что живет на земле, а не плавают под водой и не летает в небе. Нет также в монгольской кухне ни творога, ни сметаны, ни ряженки, столь привычных для русского человека. С другой стороны, изумительны на вкус и полезны в летний зной чаша свежего кумыса, сырчик из конского молока и особенно пенка от молока монгольского яка. Последняя вообще восхитительна, образуя причудливую смесь нашей сметаны и европейского йогурта. Удивительно, но структура традиционного монгольского питания практически не изменилась со времен Чингисхана. Это — совершенно определенная и своеобразная константа кочевых народов Евразии, прямо отражающая те экологические условия кочевого образа жизни, в которых они живут испокон веков. Мясная диета — та пищевая константа, которая является органической частью их национального самосознания. Здесь они близки тем же киргизам и казахам, хотя и в рамках пищевой кочевого цивилизационной константы есть свои существенные вариации и различия.

Надо иметь в виду, что механический поиск цивилизационных констант — дело почти бесперспективное. Сохранение какой-нибудь древней бытовой традиции или ценностной доминанты в чистом виде — довольно редкий этнокультурный феномен, этатип «цивилизационный константный реликт», сохраняющийся только в неизменных хозяйственно-экологических нишах существования и при идеально отработанной технологии. Ярчайшим примером последнего служит традиционная деревянная двухколесная монгольская арба, куда впрягают яка для перевозки грузов. Строение колеса современной арбы почти полностью повторяет строение колеса скифской двухколесной повозки с той же самой системой клиньев и креплений. Мы имели возможность в этом убедиться, посетив национальный музей в Улан-Баторе и специально внимательно оглядев там выставочный экспонат, а через три дня обнаружив его почти точную копию на одной из скотоводческих стоянок. Удивительно, что срок службы качественно сделанного деревянного колеса, изготовленного по реликтовой технологии, достигает, по свидетельству местных жителей, десяти лет. В свое время автор видел, как на озерах Мещерского края по мелководным и густо заросшим камышом озерам местные жители передвигаются на узких лодках-долблен-

ках, отталкиваясь шестом. Ничего более подходящего для передвижения по воде здесь не изобретешь, как не изобрести простому кочевнику-скотоводу с нехитрыми пожитками ничего более оптимального, чем подвижная, легкая и ходкая двухколесная арба с деревянными колесами в условиях каменистой и особенно горной степи.

Что касается языка, то раньше русский человек и здесь чувствовал себя как дома — монголы всех возрастов отлично говорили по-русски. Ныне, увы, ситуация с русским языком в Монголии совсем иная: по-русски говорит старое и среднее поколение, а молодежь повально его не знает. Правда, не знает она и английского языка, который усиленно навязывался монголам в последние 15—20 лет. Исключение составляет Улан-Батор, но оттуда прилично знающие английский язык монголы уезжают за границу, в основном в Южную Корею, Японию и США. По нашим наблюдениям, которые, конечно, следовало бы сверить со взглядами филологов, связи между русским и монгольскими языками гораздо более тесные, чем между монгольским и английским. И дело даже не только в том, что монголы пишут на нашей кириллице, сколько в вековых евразийских лингвистических заимствованиях, особенно научного плана. Во всяком случае я могу совершенно определенно констатировать, что при чтении курсов по философии в Улан-Баторском государственном университете лекторы до сих пор сплошь и рядом используют русскую философскую терминологию в силу отсутствия соответствующих терминов на монгольском.

Неслучайно из уст самых разных людей мы слышали одну и ту же мысль: именно через русский язык Монголия приобщилась к вершинам современной научно-технической цивилизации, а ставка на другие иностранные языки себя культурно не очень оправдывает. И в последнее время здесь наметились явные перемены к лучшему: русский язык вновь возвращается в школы и вузы, и монгольское правительство намерено уделить самое серьезное внимание поддержке школ с его углубленным изучением. Расширяющееся российско-монгольское сотрудничество объективно требует этого. Отрадно, что регион Западной Сибири, особенно Алтайский край, оказался в лидерах этого процесса. В 2009 году на базе Алтайского государственного технического университета в аймачных центрах Западной Монголии — Кобдо и Баян-Ульге — были открыты курсы с углубленным изучением русского языка для поступающих в российские вузы. В рамках фонда «Русский мир» налаживается поставка отечественной учебной литературы в Монголию. Вроде бы положительно решен вопрос и о отправке наших профессоров в монгольские вузы. Всё это дает основания надеяться, что те живительные культурные константы, которые сформировались в XX веке, не угаснут и в веке XXI, что было

бы губительно для обеих наших евразийских культур. Совершенно то же самое, на мой взгляд, можно сказать и о российско-казахстанских отношениях, где процесс «этнокультурной притирки» уходит корнями в XVII—XIX века. Здесь подрыв сформировавшихся локальных цивилизационных констант может быть еще более болезненным.

В этой связи есть очень важная и отрадная тенденция, которую мы единодушно отметили в ходе экспедиции. После «перестроечного» интеллектуального и культурного обморока с обеих сторон, практически парализовавшего российско-монгольское сотрудничество в 1990-е гг., постепенно вновь приходит понимание фундаментальности и безальтернативности крепких и многогранных связей между двумя нашими братскими народами. «Старый друг лучше новых двух» — эту русскую поговорку нам не раз приходилось слышать от самых разных людей в ходе почти месячных скитаний по бескрайним монгольским степям.

Дело в том, что чары «американской рыночно-демократической», равно как и «корейской культурно-буддийской» розовой мечты о «новом брате» за последние 5—10 лет сильно развеялись. За всеми благостными разговорами и обещаниями проступила голая капиталистическая правда: хищнический интерес к природным ресурсам Монголии при полном равнодушии к ее национальным интересам и культурным традициям.

На этом фоне бескорыстная помощь русских в организации собственной монгольской системы образования, медицины, науки, транспорта, горно-добывающей промышленности, строительства, связи, ветеринарии воспринимается сегодня как старая добрая сказка, которую надо бы вновь сделать былью. Ясно, что здесь никогда уже не будет ни старшего, ни младшего брата, ни шестнадцатой союзной республики аграрного профиля, а будет равноправное и взаимовыгодное сотрудничество во всех областях, которое России нужно не меньше, чем Монголии. Можно, пожалуй, даже сформулировать закон взаимного притяжения евразийских этносов, объединенных общими цивилизационными константами. Можно ослабить и даже временно блокировать это цивилизационное взаимное тяготение, но вряд ли его можно полностью устранить. В свое время Г.В. Вернадский подметил эту закономерность периодического геополитического объединения и распада Евразии. Думается, что мы вновь вступили в период евразийской консолидации, когда константы начинают активно работать. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

А.В. Иванов, д. филос. н., профессор, г. Барнаул

На снимках:
— традиционная культура в действии;
— юные торговцы кумысом;
— участники экспедиции.
Фото Ю.В. Попкова

